

*Альбина
Журисламова*

Он ждёт

ЛАНДЫШЕВ вышел из подъезда, уселся в машину и чересчур сильно хлопнул дверцей. Если бы водитель Петя такое себе позволил, ему бы не поздоровилось. Но Леонид Игнатьевич был хозяином, а значит, ему позволялось то, чего не позволялось обслуге.

Это касалось многих сторон жизни. Собственно, всех.

– Домой или на работу? – коротко спросил Петя.

Как и любой персональный водитель, он был осведомлён о личной жизни и тайных пороках начальника лучше кого бы то ни было. Сейчас, например, он забрал Ландышева от двадцатисемилетней любовницы Ниночки. Тогда как законная супруга полагала, что муж с пятницы в командировке.

Ландышев не хотел заезжать домой, но выхода не было: через два часа совещание у мэра, которое тот проводил по понедельникам, а нужные бумаги остались дома, в кабинете. Забыл, заработался. Но ничего, можно сказать жене, что он прямо с поезда.

– Домой, – ответил Ландышев.

Зимой он жил в городской квартире, в мае перебирался в загородный дом.

– Как съездил? – спросила жена.

Клюнув её в щёку, Ландышев с озабоченным видом направился в кабинет.

– Устал как собака, – буркнул он, что, в общем-то, было правдой. С Ниночкой он выматывался не на шутку, не слишком здоровое сердце после интенсивных упражнений грохотало и грозило выпрыгнуть из груди.

– Не бережёшь себя, – покачала головой жена, и на миг Леониду Игнатьевичу почудилась в этих словах скрытая издёвка. Однако жена не дала ему времени обдумать это и прибавила: – Ася звонила. Скорее всего, они с Колей не придут к нам отмечать Новый год.

Ася – их дочь – была всего на два года моложе Ниночки, а Коля – это её жених. Ландышев недолюбливал Колю (парень был себе на уме) и осуждал выбор дочери. А потому обрадовался, что не придётся лицезреть постную физиономию будущего зятя.

– Не придут – и ладно, – сказал он, забирая документы и возвращаясь в прихожую. Жена промолчала.

Вернувшись к себе после совещания, Ландышев быстро прошёл через приёмную в свой кабинет. Настроение было ни к чёрту, мэр распекал всех глав районов, досталось и Ландышеву. Порка была показательная, для журналистов, которых специально пустили на совещание, чтобы они написали о том, как и на какую сумму городские власти собираются украсить город к Новому году.

Беспокоило другое. Ландышеву шепнули на ушко, что перспективный проект по сносу аварийного дома и строительству на его месте торгового центра может сорваться. Были задействованы серьёзные люди с большими деньгами, а тут активисты какие-то нарисовались, могут начать палки в колёса вставлять. Ничего, справимся, толком эти чудики ничего знать не могут, информации ноль, одни эмоции, размышлял Леонид Игнатьевич, прикидывая, кого задействовать для решения вопроса.

Снял пальто, пригладил волосы перед зеркалом. Решил, что не мешало бы кофе попить, и хотел позвать секретаршу, но она объявилась сама.

– Леонид Игнатьевич, вас спрашивает Алексей Иванович Сапожков. Говорит, вы его знаете.

Ландышев повторил про себя имя, пытаясь припомнить, кто это, но не смог.

– По какому вопросу?

– Говорит, вы были у них в микрорайоне и обещали помочь с расселением, там дом в...

«Вот же дура», – мысленно выругался Ландышев.

Немудрено, что не вспомнил! Это же, как он их про себя называл, «топтуны»: ходят, просят, надоедают бесконечными дурацкими просьбами и нуждами.

– Лидия Борисовна, – елейным голосом проговорил Ландышев, еле сдерживая бешенство. – Вы разве не в курсе, что у меня есть приёмные часы для граждан? И они по четвергам. А сегодня, если мне не изменяет память, не четверг.

Секретарша – сухопарая, тонкогубая, всегда застёгнутая на все пуговицы – раздражала Ландышева своей дотошностью; ему хотелось наорать на неё, придравшись к какой-нибудь мелочи, но секретарша не ошибалась даже в мелочах. А тут, кажется, возможность представилась.

– Простите, Леонид Игнатьевич, он говорит, что вы велели обращаться к вам в любое время, и я подумала, что должна поставить вас в известность.

Снова очко в её пользу. Ландышев вспомнил, наконец, кто этот Сапожков. Ветхий старик, сто лет ему в обед. Он и ещё несколько человек, которых, как говорится, давно на том свете с фонарями ищут, жил в довоенном бараке с трещиной через всю стену и удобствами на улице. Что-то там дребезжал про туалет, мокрые стены, протекающий потолок. Ландышев пообещал заняться расселением, помочь, наговорил всего, что положено говорить в таких случаях. Опять же журналисты были рядом, это была запланированная встреча с жителями.

– Я сейчас чрезвычайно занят. – В этот момент Ландышев внезапно понял, как можно решить вопрос с торговым центром, и закончил скороговоркой: – Пусть в четверг приходит. Я приму. Без очереди.

– Он и так без очереди. Как ветеран, – ответила секретарша, но Леонид Игнатьевич не слышал, нажал на кнопку отбоя.

В четверг приём граждан пришлось отменить. Нужно было съездить на важную встречу по всё тому же торговому центру. Три дня Леонид Игнатьевич

интриговал, вёл переговоры, и в итоге появилась ясность, всё стало решаться в его пользу. А значит, можно рассчитывать на хорошее вознаграждение: он уже обдумывал, куда можно будет съездить с Ниночкой.

Отбывая на встречу, Ландышев видел огромную очередь записавшихся на приём. Это его не слишком волновало: кому надо, подождут. Но игнорировать часы приёма не стоило, может и до мэра дойти, поэтому он всё же рассчитывал успеть вернуться, о чём и сказал.

Среди ожидающих Ландышев заметил старика в сером пальто. На коленях его покоилась меховая шапка, похожая на облезлого кота. Сдвинув брови к переносице, Леонид Игнатьевич прошёл мимо сидящих и стоящих, всем своим видом изображая занятость и озабоченность.

– Так будет принимать или нет? – спросил кто-то.

– Леонид Игнатьевич должен уехать, но скоро вернётся. Ждите, – проговорила секретарша.

Однако вернуться не получилось. После встречи поехали в ресторан, отказать было никак нельзя.

Утром, с гудящей с похмелья головой, Ландышев еле притащился на работу. Хотел велеть секретарше принести минералки, но женщины в приёмной не оказалось. Где её только носит?

Ландышев сердито толкнул дверь и оторопел от неслыханной наглости. Старик в сером пальто (как его там... Башмачкин, что ли? А, нет, Сапожков!) сидел в его кабинете, на стуле возле стены, с таким видом, будто тут ему самое место!

– Вы что себе позволяете? Вас кто впустил? – Ландышев задохнулся от возмущения, позабыв о головной боли. – Лидия Борисовна!

Он выкатился обратно в приёмную и увидел секретаршу, которая входила в дверь.

– Добрый день, Леонид Игнатьевич, – невозмутимо ответила она.

– Вы в курсе, что в моём кабинете в моё отсутствие находится человек? Сапожков этот! Что за безобразие!

Секретарша смотрела на шефа со странным выражением на лице.

«Чего уставилась?», – хотел крикнуть Ландышев, но сдержался.

– Простите, вы, наверное, ошиблись. Этого не может быть, – проговорила женщина.

– Да? По-вашему, у меня галлюцинации? Идите и посмотрите!

– Алексей Иванович вчера умер.

Она дрогнувшим голосом говорила про духоту, четыре часа ожидания, очередь, сердечный приступ, что-то ещё, а Ландышев испуганно перебирал в голове диагнозы. С чего ему привиделся старик? Или просто водки перебрал, в этом дело?

Недослушав секретаршу, Ландышев метнулся обратно в кабинет. Старика не было, и он облегчённо перевёл дух, но, как позже выяснилось, рано радовался.

Промаявшись на работе до четырёх часов, поехал к Ниночке снять стресс. Явился без звонка, и любовница, кажется, была не слишком рада, даже нервничала, хотя старательно это скрывала.

Ландышев прошёл в гостиную, уселся в кресло и открыл было рот, собираясь сказать Ниночке, чтобы накрыла на стол (похмелье отступило, и разыгрался аппетит), но так и замер с отвисшей челюстью.

На новеньком диване, сделанном по спецзаказу в Милане, сидел старик. На нём было всё то же поношенное серое пальто и стоптанные ботинки, шея закутана колючим мохеровым шарфом, в руках – лохматая шапка.

Морщинистое лицо, слезящиеся глаза, аккуратно подстриженные седые волосы... В шикарной Ниночкиной квартире, купленной, отремонтированной и обставленной на деньги Ландышева, он смотрелся настолько нелепо, что Леонид Игнатьевич даже не столько испугался, сколько возмущился.

– Какого хрена происходит? – воскликнул он.

Сапожков смотрел на него, не свода печального и вместе с тем строгого взгляда, губы его шевелились, словно он тихо говорил что-то, не понять только что.

— Лёлик, ты чего? — Ниночка попыталась сесть Ландышеву на колени.

— А ну, убирайся! Вон отсюда!

Любовница отскочила, как ошпаренная кошка, и прошипела:

— Сам убирайся! Тоже мне! Не знаю, откуда ты узнал, но я и сама уже хотела рассказать! Хорошо устроился: и от своей мымы не уходишь, и меня на поводке держишь! Да мне, если хочешь знать, и спать с тобой противно!

Ландышев от неожиданности забыл о старике и перевёл взгляд на Ниночку.

— Ты что же, изменяешь мне?

Она мигнула остыла.

— А ты что, не знал? Сам сказал: «убирайся», «что происходит»...

— Я не тебе говорил, а... — Ландышев сам себя прервал на полуслове, в полной мере осознав случившееся. — Ты любовника завела? В моей квартире? Я тебя содержу, одеваю-обуваю, а ты за моей спиной!..

Ландышев думал, Ниночка будет рыдать и оправдываться, но она быстро взяла себя в руки и спокойно проговорила:

— Между прочим, это моя квартира. По документам. Нечего меня стыдить: я свои деньги честно отработывала. И вообще, шёл бы ты домой, к жене под бочок. Я кое-кого жду.

Если водитель Петя и удивился столь быстрому возвращению шефа, то виду не подал. Пока ехали домой, Ландышев пытался переварить произошедшее. Он не знал, что шокировало его сильнее: предательство Ниночки или новое появление призрака.

— Ты в привидения веришь? — вдруг спросил он Петю.

Тот покосился на Ландышева и пожал плечами.

— Пока не увижу, не поверю.

Леонид Игнатьевич с горечью подумал, что и сам прежде так рассуждал. И вот нате вам, довелось столкнуться.

Ниночку всё же нужно наказать, пусть не думает, что он лох. Ландышев позвонил в банк и заблокировал все её карточки.

«Пусть теперь новый любовник тебя содержит!»

Почувствовав некоторое удовлетворение, убрал телефон в карман.

Жена вышла в прихожую поздороваться. Ландышев пробурчал что-то невразумительное, прошёл мимо неё и закрылся в кабинете. Упал на диван, закрыл глаза, помассировал виски.

«Ниночка — чёрт с ней, пусть катится. Но то, что мерещиться стало, дурной знак. Может...»

В этот момент он почувствовал, как ему что-то давит на правое плечо. Леонид Игнатьевич открыл глаза и повернул голову вправо. На плече лежала чья-то рука. Старческая сухая ладонь с коротко подстриженными ногтями!

Ландышев с визгом вскочил с дивана и шарахнулся к стене.

— Лёня, что случилось? — откуда-то из глубины квартиры спросила жена.

— Ничего, — хрипло отозвался Ландышев, всё ещё ощущая холодную тяжесть мёртвой руки, во все глаза глядя на старика Сапожкова, который стоял в углу кабинета.

— Что ты от меня хочешь? — прошептал он.

Вместо ответа старик вдруг двинулся к нему. Ландышев почувствовал, как ужас, равного которому он никогда доселе не испытывал, накрывает его с головой. Мертвец преследовал его! Шёл за ним, и для него не существовало никаких преград. Надо бы развернуться и бежать прочь из комнаты, но Ландышев застыл на месте, как парализованный.

Старик — худой, с согбенной спиной и впалыми щеками — подходил всё ближе, медленно переставляя ноги в старомодных ботинках. Ландышев, точно обречённый на казнь, следил за его приближением. Подойдя, старик потянулся к его уху, словно желая поведать секрет. От него веяло холодом, словно из открытого морозильника, и холод этот студил душу.

— Жду, — вот что он сказал.

Одно-единственное слово.

Ландышев зажмурился, а когда открыл глаза, старика уже не было.

Весь вечер Леонид Игнатьевич не мог согреться. И чай горячий пил, и под душем стоял, чуть не обварился,

и одевал на себя целую гору собрал. Не помогало. А ещё он каждую минуту ожидал увидеть рядом призрак старика, постоянно оглядывался, ёжился, предчувствуя его появление.

– Ты сегодня нервный какой-то, – заметила жена.

Ландышев ничего не ответил, взял в баре бутылку водки и выпил без закуски. Это позволило заснуть, но среди ночи он проснулся, словно его окликнули. Голова раскалывалась, глаза ломило – нельзя всё же в его возрасте столько пить.

Хуже всего было то, что проклятый старик снова оказался рядом. Сидел в ногах кровати, не сводя с Ландышева пристального взгляда. Губы его шевелились, и Леонид Игнатьевич уже знал, что тот произносит: «Жду».

Он зарылся головой в подушку, да так и пролежал до утра. На работу снова явился разбитый, чувствуя, что его колотит, и первым делом выпил рюмку коньяку, чтобы унять дрожь. А потом вызвал секретаршу.

– Так продолжаться не может, – сказал Ландышев, забыв, что она понятия не имеет, о чём он. – Похороны уже были?

Ночью ему пришло в голову: проблема в том, что старик не погребённый. Неотпетый, неупокоенный – что там ещё в фильмах ужасов бывает причиной появления призраков?

Как ни странно, Лидия Борисовна сразу поняла, о чём речь.

– Сегодня, – коротко ответила она. – Я у вас хотела отпроситься, сходить.

– Вместе пойдём. Организуйте всё. Благотворительность, понимаете? Это же житель нашего района, ветеран, ну, вы знаете. В пресс-службу сообщите, что церемония будет организована за счёт администрации...

Он говорил, не замечая, что тонкие губы секретарши становятся ещё тоньше, сжимаясь в нитку, а когда понял, что она не записывает, спросил, в чём дело.

– Я уже всё организовала. Алексей Иванович был одинокий человек...

– Тем лучше, – оборвал её Ландышев, чувствуя себя так, словно Лидия

Борисовна его обворовала. Украла шанс избавиться от назойливого призрака. – Напишите сумму, чеки приложите, я вам премию выпишу.

– Но...

– Делайте, как вам говорят! – рявкнул он. – Идите! Про пресс-центр не забудьте!

Женщина развернулась на каблуках и вышла.

Хоронили Сапожкова в двенадцать, за гробом шли несколько таких же убогих, согнутых, дурно одетых стариков и старух – соседей усопшего.

Ландышев с неудовольствием отметил, что они сгрудились возле его секретарши, благодаря её за участие и помощь, а на него смотрели сердито, перешёптываясь о чём-то. Он старался не глядеть в их сторону, бодро рассказывая корреспондентке с телевидения, которую пригласила сотрудница пресс-центра, о том, что администрация района считает своим долгом помогать неимущим жителям, тем более ветеранам.

– Придя на приём, Алексей Иванович знал: мои двери всегда открыты для него, как и для всех граждан. Провожая его в последний путь, мы отдаём дань уважения памяти... – Ландышев растекался мыслью по древу, прилаживал одну фразу к другой, пока не посмотрел на гроб.

А когда увидел, умолк на полуслове.

Старик не лежал, а сидел в гробу. Чёрный похоронный костюм подчёркивал восковую желтизну кожи, глаза провалились, челюсть была подвязана, но это не помогло. Рот мертвеца открылся, открывался всё шире, и Ландышеву послышалось, что покойник говорит: «Врёшь! У гроба врёшь, подлец!»

– Отстань от меня! – вне себя закричал Ландышев, попятившись. Не удержался, упал в снег и стал отползать прочь, перебирая ногами. – Провались пропадом, сволочь дохлая!

В новостной выпуск этот позор не попал: корреспондентка была прикормленная. Но в Интернет слили снятое кем-то видео, снабдив комментарием о том, что глава администрации был явно нетрезв, и уже через пару часов Ланды-

шеву позвонил сначала мэр, а потом и люди, с которыми шли переговоры по торговому центру.

Мэр не сдерживал эмоций – орал, обзывал алкашом, плевался ядом. Выборы скоро, а тут такое! Бизнесмены сухо выражали недоумение, высказывая сомнения в целесообразности дальнейшего сотрудничества. Ландышев каялся, извинялся, блеял, что это недоразумение.

Придя домой, хотел выпить, нестерпимо, но мэр велел прийти к нему к десяти, так что нужно было выглядеть прилично. Жена посмотрела на него долгим взглядом, словно собиралась спросить о чём-то, но промолчала.

Есть не хотелось, было по-прежнему холодно: казалось, вместо крови по венам течёт ледяная вода. Леонид Игнатьевич ушёл к себе, лёг в кровать, не надеясь заснуть.

Лёжа в темноте, трясаясь от холода и страха, впервые за долгое время думал о том, что ему не хватает рядом жены. Родная душа, человеческое тепло – это, наверное, помогло бы прогнать холод. Но они давно спали отдельно, да и в целом стали чужими, как соседи по коммуналке. Где их прежние разговоры по душам? Когда они в последний раз вместе смеялись над удачной шуткой, смотрели какой-нибудь фильм, обсуждали что-то, что важно обоим?

Ландышеву захотелось встать, пойти к жене, спросить, объяснить, но он знал: она не поймёт. Время, когда они были откровенны и искренни друг с другом, прошло. Ниночку он потерял вчера, а жену – много лет назад.

Когда старик снова появился возле него, Ландышев, уже не в силах сдерживаться, заплакал.

Утро принесло новые потрясения.

Лидия Борисовна вошла в кабинет с листом бумаги в руке. Документ оказался заявлением об увольнении.

– Я уже год на пенсии, хотела ещё поработать, но поняла: не могу, – проговорила она, когда Леонид Игнатьевич спросил, с чего это вдруг.

– Почему?

Секретарша помялась, а потом прямо посмотрела ему в глаза и произнесла:

– Я много разного тут видела за это время. Но всему есть предел. Вы довели несчастного старика до смерти, а потом у вас хватило совести прийти на похороны и попытаться устроить пиар-акцию на его крови.

– Да что вы понимаете! – возмутился Леонид Игнатьевич.

– Всё я понимаю. И не надо на меня кричать. Я больше не ваша подчинённая.

Пока он пытался подобрать слова, бывшая секретарша вышла из кабинета.

Встреча с мэром прошла кошмарно. Едва войдя в кабинет, который шиком и богатством убранства превосходил его собственный, Ландышев увидел покойника, сидящего за длинным столом для заседаний.

Мэр его присутствия не замечал. Подняв голову, указал ровно на то место, где сидел старик, и сказал:

– Садись, Леонид Игнатьевич.

– Я не... – Он откашлялся, отодвинул другой стул, сел.

Мэр нахмурился.

– Ты пьяный, что ли, опять? Думаешь, если дальше сядешь, не учую?

Ландышев принялся объяснять, что дело не в этом, но нет ничего хуже попыток оправдаться, да и чётких объяснений быть не могло. Если заикнуться, что его преследует призрак мёртвого старика, это будет его последний день работы в администрации.

Разговора не вышло. Ландышев вёл себя как полный идиот. Сидеть рядом с мертвецом и делать вид, что всё в порядке, не получалось. Сапожков смотрел на Леонида Игнатьевича, не отводя взора, и от него шли уже привычные волны холода. Ландышев не мог унять дрожь, отвечал невпопад, а в итоге сбежал, сказавшись больным.

Мэр, конечно, остался недоволен, но Ландышев настолько обессилел от всех потрясений, постоянного ощущения холода, бессонных ночей, что ему было всё равно.

Думал, хуже быть не может, однако оказался неправ. Надо было поехать на работу, но Ландышев понимал, что не справится. Ему нужно отдохнуть,

выспаться, чтобы решить, что делать дальше, что предпринять. Он хотел посоветоваться с женой: всё же они были когда-то близки. Если не она, то кто способен понять его, помочь?

Открыв дверь, Леонид Игнатьевич увидел жену в прихожей. Она была в пальто и сапогах, а в следующую минуту Ландышев увидел в её руке чемодан.

– Это ещё что? – ошарашенно спросил он, указывая на него.

– А ты не видишь? – спокойно ответила жена. – Я от тебя ухожу, Лёня. На развод подам сама. Живи как знаешь.

– Что? Как? – засуетился Ландышев, пытаясь преградить ей путь.

– Наш брак давно умер. Я пыталась его сохранить, говорила себе: пусть любовь прошла, но остаётся уважение. Прожитые годы, общие воспоминания. Думаешь, я не знала про твои похождения? Знала. И презираю себя за то, что делала вид, будто не знаю. – Она прикусила губу. – Привыкла к сытой жизни. Стыдно, но что есть, то есть. А тут сразу за два часа – такое.

– Какое? – прошептал Ландышев.

– Ася позвонила и сказала, что на неё в «Телеге» подписалась девушка по имени Нина, сказала, что она – твоя любовница.

– Всё у нас кончено! Эта стерва просто мстит! Я карточки ей заблокировал... – брякнул Ландышев и прикусил язык, но было уже поздно.

Жена усмехнулась.

– Спасибо, что не отрицаешь. Знаю, что кончилось. Нина позвонила мне и наговорила много приятных вещей. И вот тут я поняла: это уж совсем край. Какое уважение? Сколько можно за подачки терпеть, чтобы об тебя ноги вытирали?

Она оттеснила его плечом и вышла. Ландышев стоял как гвоздями к полу прибитый. Не мог он позволить ей уйти, но и заставить остаться не мог тоже. Ему казалось, жизнь рушится. Нет, не рушится: её рушат! Проклятый старик Сапожков отнимает всё, что ему дорого!

Ландышев схватил подвернувшуюся под руку статуэтку и швырнул в стену. Раздался грохот, брызнули осколки.

– Жду! – шепнули ему на ухо, и он увидел стоящего рядом мертвеца.

– Отвали от меня! Провались в ад! Уйди! – заорал Ландышев и бросился в гостиную, захлопнув за собой дверь.

Хотя, конечно, Сапожков был не из тех, кого останавливают закрытые двери.

Леонид Игнатьевич закружил по комнате, пытаясь прийти в себя.

– Я справлюсь, справлюсь! – говорил он. – Извинюсь, помиримся. Должна же она понять! И дочь простит... Куплю машину этому её Коле. Пусть женятся, слова не скажу. Пить брошу... совсем, окончательно...

Зазвонил сотовый.

«Передумала!» – сверкнуло в голове, но это была не жена.

– В курсе уже? – спросил мэр. В голосе его звенела ярость.

«Откуда он знает, что жена меня бросила?» – глупо подумал Ландышев.

Но мэр, разумеется, говорил о другом.

– Телевизор включи, – сказал он и бросил трубку.

Ландышев взялся за пульт.

Про обрушение аварийного дома говорили по всем местным каналам. К счастью, никто не погиб: жильцы (а их оставалось шесть человек) были в тот момент не в своих квартирах, а на улице. Собирались идти протестовать к зданию администрации района, требовать расселения и нормальных условий жизни.

«Вот такая ирония», – трещала вертикальная корреспондентка, тыча микрофоном в лица теперь уже бездомных стариков.

– Алексей Иванович, царствие ему небесное, несколько раз ходил к главе администрации Ландышеву. Не мог добиться, так и умер в приёмной у него! – наперебой говорили они. – Сколько можно издеваться над нами? Неужели не поживём по-людски? Так и помрём один за другим?

Ну а потом всплыли подробности того, что по распоряжению Ландышева аварийным признали и решили расселить совсем другой дом, крепкий и не такой уж старый, откуда люди как раз-таки выезжать не хотели.

– Беда в том, что место, на котором стоит дом, приглянулось местным хоззяевам жизни, там собрались строить торговый центр, и господин Ландышев...

Леонид Игнатьевич не стал дослушивать, выключил телевизор. Откуда всё это стало известно? Секретарша проболталась? Или ещё кто-то?

Это не имело значения. Ничто уже не было важно.

Наступившая тишина сверлом ввинчивалась в уши. Ландышеву показалось, что он парит в невесомости, в безвоздушном пространстве. Дышать стало трудно, грудь сдавило, и он рванул галстук, попытался расстегнуть рубашку.

Оторвавшиеся пуговицы с бисерным стуком посыпались по полу.

«Один... Как страшно быть одному», – в смятении подумал Ландышев, но понял, что это вовсе не так. Рядом стоял Сапожков – тихий, суровый, неумолимый.

– Жду, – прозвучало в голове у Ландышева.

Леонид Игнатьевич хотел отойти назад, но ноги не слушались, и вместо этого он упал на колени. Жар в груди стал невыносимым. Прежде чем всё кругом заволочло чёрным туманом, Ландышев увидел, как мёртвый старик улыбается ему, протягивая руку.

Оракул

МАЛЬЧИШКЕ было лет восемь, выглядел он как самый настоящий малолетний преступник: мерзкие лохмотья с чужого плеча, чумазое лицо, грязные волосы и руки. Сомов так и сказал ему, когда тот принялся клянчить у него мелочь:

– Отстань, шпана! А то полицию вызову!

Но нахальный пацан не отставал, шёл за Сомовым с протянутой рукой и ныл:

– Дяденька, есть очень хочется!

Сомов был сегодня раздражён даже больше, чем обычно. Работы навалилось столько, что он не успел сходить на обед в привычное время, а когда пришёл в кафе, то выяснилось, что прожорливые сотрудники офисов, расположенных в бизнес-центре «Лето», успели смести всё самое вкусное, оставив голодному Сомову жареную рыбу и вареники, которые он терпеть не мог.

Отчитав кассира и администратора, Сомов немного сбросил пар, однако го-

лод таким образом не утолишь, и ему пришлось выйти на улицу, взять кофе, картошку фри и гамбургер в вагончике под названием «Вкусно День». Там и правда было вкусно, и, хотя Сомов и не жаловал еду на вынос, иногда всё же делал исключения.

Взяв бумажный пакет, Сомов направился к зданию бизнес-центра, вот тут-то за ним и увязался наглый бродяжка. Сомов видел его не в первый раз, пацанёнок часто здесь околачивался, наверное, жил поблизости.

И куда только родители смотрят?

– Пошёл прочь! – рявкнул Сомов, и мальчишка, который вертелся у него под ногами, споткнулся с перепугу и полетел на землю прямо перед ним.

Мужчина неловко замахал руками и выронил пакет. Тот упал в грязь и испачкался с одного края. Сомов быстро схватил пакет, пока содержимое не пострадало, и следующие секунды взбешённый Сомов и попрошайка смотрели друг на друга. Мальчишка так и лежал

на земле, втянув голову в плечи, ожидая пинка.

– Вадим Васильевич! – раздался мужской голос.

Сомов обернулся и увидел, что на ступеньках бизнес-центра стоит шеф. Судя по всему, только что приехал, вышел из машины – водитель её и припарковать не успел. Сомов зыркнул на мальчишку, в сердцах швырнул ему пакет с едой и прошипел:

– Жри, сволочь! – А после, понимая, что пообедать так и не сумеет, направился к шефу, который его ждал.

Сомов работал начальником отдела в аудиторской фирме. На работе его ценили – один из лучших сотрудников, если не самый лучший: внимательный, въедливый, не делающий ошибок и не прощающий их другим, невозмутимый, как удав, безжалостный, как бензопила.

Ценить ценили, но не любили, причём ровно за те же качества. Сомов знал, что за глаза коллеги звали его «Кощеем», предпочитая с ним не связываться и по возможности не общаться.

Лысый, худощавый, с пронзительными чёрными глазами и узким, как щель почтового ящика, ртом, он наводил ужас на нерадивых бухгалтеров, стажёров и коллег.

С работы Сомов ушёл, как это часто бывало, одним из последних. Окинув придирчивым взглядом идеально прибранный письменный стол, погасил свет и покинул кабинет. Вызванное такси уже ждало его: на метро ехать не хотелось, а машину Сомов позавчера сдал в ремонт.

Таксист попытался было втянуть его в разговор, но умолк, остановленный резким замечанием пассажира. Добралась быстро: пробок уже не было. Пока ехали, Сомов, чтобы не терять времени даром, позвонил в службу доставки любимого ресторана и заказал ужин. Готовить желания не было, день выдался слишком тяжёлым.

Придя домой, он сбросил обувь, аккуратно повесил пальто на плечики и сразу пошёл в ванную смыть с себя нервный, напряжённый день. Горячая

вода всегда его расслабляла, а запах кокосового геля для душа настраивал на более благодухный лад.

Поэтому, выйдя из ванной и забрав у подоспевшего с доставкой юноши свой ужин, Сомов был в почти хорошем настроении. А это значило, что хотя на чай Сомов ничего разносчику не дал, но и не отругал за опоздание на две минуты и не позвонил с жалобой его начальству, а ограничился лишь вполне беззлобным замечанием.

Полужинать Сомов решил за компьютером, который стоял в спальне. Телевизор не смотрел много лет, и отдушиной, собеседником, а вместе с тем полем его личной битвы был Ютуб.

Сомов был подписан на несколько десятков каналов, но не столько смотрел их, сколько вступал в полемику с авторами и другими пользователями. В глубине души понимал, что это сродни зависимости, но иного, столь же эффективного способа снять напряжение не знал. Алкоголь его организм хронически не переносил – после первой же рюмки начинало тошнить, о наркотиках или лекарствах Сомов даже и не думал, хобби не имел, а женщины... С женщинами тоже не ладилось.

Так что оставалось изливать желчь в Сети. Потоки возмущения Сомова могло вызвать всё что угодно: недостаточно, по его мнению, умный, честный или развёрнутый ответ на вопрос интервьюера, рекламная интеграция, несоответствующее теме ролика название, неправильно поставленное ударение, безвкусный костюм или причёска ведущего и прочее, и прочее.

Выступал он под ником «Бессмертный» (раз уж зовут Кошеем на работе, то пусть будет такая параллель) и был, наверное, постоянной головной болью авторов каналов. Время от времени его отправляли в бан, но Бессмертный на то и Бессмертный, чтобы воскресать при помощи новых аккаунтов.

В основном Сомов предпочитал политические и туристические каналы, те, где выходили интервью с известными людьми (там можно было оттянуться

и на ведущих, и на гостях), а в последнее время увлёкся каналами страшных историй.

На Ютубе таких десятки, и Сомову нравилось щекотать нервы, слушая жуткие рассказы, а потом, с не меньшим наслаждением, ругать авторов за допущенные ошибки, неверные интонации, плохой голос, неудачный финал – всегда находилось, что поставить в укор.

Лучше всего, если автор не игнорировал, а принимался с ним спорить – тут уж Сомов расправлял плечи и бросался в атаку, не оставляя от нерадивого чтеца мокрого места.

Сегодня, покончив с салатом, картофелем и мясом, Сомов приступил к десерту и зашёл на канал со страшными историями, откуда ему пришло уведомление о новом видео. Однако, начав слушать, понял, что это вовсе никакая не история. Автор канала предлагал слушателям сыграть в игру с мистическим Оракулом, который всё про всех знает и скажет, чего тебе не хватает в данный момент, что нужно сделать, чтобы достичь цели.

Тем, кто не испугается беседы с Оракулом, предлагалось перейти по ссылке под роликом на сайт и действовать в соответствии с инструкцией.

Мнения в комментариях ожидаемо разделились. Одни пользователи писали, что надо быть дураком, чтобы верить в эту чушь, другие опасались вступать в диалог не пойми с кем, третьи боялись вовсе не мистического Оракула, а вполне реального вируса, который можно подцепить, перейдя на неизвестный сайт, зато рискнувшие захлёбывались от восторга. Писали, что Оракул – настоящее чудо: советы давал верные, угадывал всё с поразительной точностью.

Сомов озадачился и даже растерялся, что случалось с ним нечасто. Сначала хотел разразиться гневной отповедью: какого, мол, чёрта публикуете всякую ерунду, даже набрал на клавиатуре первые несколько слов, но потом что-то внутри него вдруг заняло. Даже сладкий до приторности ванильный кекс с клубникой показался горьким, как кора дуба.

Цели у Сомова, конечно, были, и те

из них, что касались работы, карьеры, достигались сравнительно легко. А вот другие... Всё чаще он наматывал круги по пустой, чистой до стерильности квартире, и ему стоило больших трудов убедить себя, что он счастливый, состоявшийся, самодостаточный человек.

Одиночество давило, как могильная плита, и не было на всём белом свете человека, с которым хотелось бы просто сесть и поговорить по душам. Сомову было тридцать восемь, и каждый прожитый год увеличивал эту тяжесть.

Наверное, поэтому он и оглянуться не успел, и рационально все «за» и «против» не взвесил, как рука сама собой потянулась к мышке, а пальцы щёлкнули по ней, открывая нужную ссылку.

Сомова перебросило на сайт. Мрачноватый дизайн, если честно: чёрный экран, а посередине – алый прямоугольник с чёрными же буквами: «Узнай свою судьбу».

Что ж, претенциозно, зато коротко и ясно, сразу понятно, что делать.

Сомов вздохнул и кликнул на прямоугольник. Немедленно высветилась новая надпись: «Запиши предсказание на диктофон. Оно прозвучит только один раз. Прослушать заново невозможно». Сомов послушно включил диктофон на мобильнике, поднёс его поближе к колонке и нажал кнопку «Продолжить».

Зазвучала мелодия – жуткая, ни на что не похожая. Заунывная, зловеющая, скрипучая и вместе с тем по-своему благозвучная. Какая-то неземная, что ли. Непонятно, что за музыкальный инструмент: скрипка? флейта? арфа?

Сомов не разбирался в этом, но почувствовал, что по коже бегут мурашки. Он нервно облизнул губы, желая выключить музыку, однако она прекратилась сама. Что-то зашуршало, а потом грубый, лающий голос проговорил:

– Я приду перед рассветом. Если не вспомнишь хотя бы один свой бескорыстный поступок, вырву твои глаза и язык, а после заберу твою душу.

Голос умолк. На экране снова возникла надпись «Оракул».

Сомов сидел, обливаясь потом, неотрывно глядя перед собой.

«Что это было?» – билось в голове.

Может, нажать ещё раз? Но стоило ему так подумать, как на экране появилась надпись об ошибке 404. Нет, дескать, такого сайта, дорогой товарищ.

Увидев надпись, Сомов вскипел, и это придало сил. Развели! Его попросту развели, обманули, посмеялись над его наивностью! Сомов залпом, как водку, опрокинул в себя остывший фруктовый чай, отодвинул чашку и яростно защёлкал мышкой, открывая канал.

Ролик про Оракула набрал уже несколько десятков тысяч просмотров. Комментарии сыпались, точно смородина из дырявого ведра, в основном отзывы были хвалебными. Заказные! Как пить дать!

Сомов настроил кучу негативных откликов, на него в ответ накнулись адепты Оракула, битва длилась минут сорок, а потом случилось странное.

Экран потемнел, затем на нём появилась серая рябь, а поверх неё высветилась надпись: «До рассвета – четыре часа сорок минут».

Сомов подскочил на стуле, отпрянув от монитора, и затравленно огляделся по сторонам. Надпись пропала так же внезапно, как и появилась. Перед ним снова была переписка под видео.

Но больше вступать в перепалку не хотелось. Что происходит, в конце концов?! Кто-то решил подшутить над ним? Сомов посмотрел на часы – половина первого ночи. Время-то как летит!

Завтра седьмое мая. Сомов быстро нашёл в Интернете сайт с таблицей времени восходов и закатов, увидел, что начало рассвета будет в три часа сорок девять минут. То есть через четыре часа сорок минут, как и было написано.

Сомов встал со стула и прошёлся по комнате, чувствуя, что к горлу подступает тошнота. Сходил на кухню, выпил стакан воды, такой ледяной, что зубы заломило. Боль немного привела его в чувство.

Никогда прежде он не верил в потустороннюю чушь, да и сейчас не будет! Он взрослый, умный человек с высшим образованием, а не какая-нибудь бабка деревенская или экзальтированная ба-

рышня. Просто что-то с компом, только и всего! Возможно, вирус всё же словил, несмотря на антивирусную программу.

Сомов, кстати, слышал, что ставить антивирусники бесполезно, они не помогают. А ещё слышал, что разработчики вирусов и создатели антивирусных программ – одни и те же люди. Сами придумывают вирусы, сами же от них защищают, деньги зарабатывают на доверчивом потребителе!

Замечая, как в груди закипает знакомое чувство раздражения, Сомов ощутил прилив сил. Боевое настроение ему нравилось куда больше, чем растерянность и страх перед неизведанным.

Чуть не бегом вернувшись в комнату, Сомов перезагрузил компьютер, намереваясь после этого скачать лечащую утилиту и почистить устройство от вредоносных программ. А после, конечно же, нужно будет написать в службу поддержки и высказать всё, что он думает об антивируснике.

Однако делать этого не пришлось. Компьютер перезагрузился, и на мониторе появилось уже знакомое серое марево, поверх которого горела надпись: «До рассвета – четыре часа двадцать минут».

Отведённый ему срок стал ещё короче.

Сомов тупо смотрел перед собой, стараясь сообразить, что делать. Страх заползал под кожу, создавалось ощущение, что он проглотил холодную лягушку, которая ворочалась теперь в районе желудка, норовя выпрыгнуть наружу.

Никакой мистики – в неё Сомов по-прежнему отказывался верить. Просто нужно узнать, кто и каким образом решил поиздеваться над ним, а после – наказать, разумеется.

– Спокойно, спокойно, – бормотал Сомов, усаживаясь на стул.

Первым делом следует написать автору канала. Найти его оказалось несложно: Сомов перешёл по ссылке в одну из социальных сетей, отстучал сообщение в «личку».

Парня звали Антоном, ответил он быстро. Посоветовал сбавить тон и пояснил, что это обычная рекламная

коллаборация, так что все вопросы – к владельцам сайта, на одной из страниц которого и находится игрушка под названием «Оракул».

«Что за сайт?» – спросил Сомов.

«Эзотерика, гадания и всякое такое. На той странице внизу все данные. После предсказания сразу можно заказать консультацию или помощь. На то и рассчитано», – последовал ответ.

Сомов попытался снова кликнуть на ссылку, чтобы попасть на нужную страницу, но система упорно выдавала сообщение об ошибке.

«Не могу войти, дайте прямую ссылку на поддержку сайта, – написал Сомов и скрепя сердце прибавил: – Пожалуйста».

Антон, видимо, решил, что перед ним клинический идиот, но ссылку дал и вышел из Сети.

Сомов немедленно перешёл на сайт. Всё было ровно так, как говорил автор канала с «кужастиками»; некие граждане предлагали магические услуги: снимали порчу и сглаз, гадали на картах Таро и занимались прочей ерундой. Сомов закрипел зубами – мошенники! С какой швалью приходится общаться! Ну, сейчас он выяснит, кто вздумал с ним шутки шутить!

Связь с оператором была круглосуточной. Сомов написал большое письмо, требуя объяснений и угрожая обратиться в полицию.

Ответ последовал быстро. Ему написали, что «Оракул» – это, действительно, их разработка, совершенно безобидная. Пользователю проигрывается одна из десяти мелодий, в основном классические произведения, ничего похожего на те звуки, которые описывал Сомов. Затем звучит один из двадцати вариантов текста вроде: «Вам лучше помириться с тем, кого вы обидели» или «Человек, который вам дорог, ждёт, чтобы вы сделали первый шаг», а далее – ненавязчивая реклама, предложение личной встречи с «Оракулом» для более предметной консультации. Никаких угроз и требований.

«Ничего подобного, – возмутился Сомов, – у меня было иначе!»

Его попросили отправить звуковой

файл, и он, чертыхаясь, прикрепил его к форме отправки.

Минуты через три ему ответили: «Вы отправили пустой файл».

– Как так? – вслух спросил Сомов и включил запись.

Морщась, прослушал музыку. Голос тоже был записан чётко.

Он отправил повторно, и на том конце ему ответили уже с нотками досады, считая за чокнутого: «Вы присылаете пустой файл. Никакой записи на нём нет! Если у вас остались какие-то претензии, напишите письменное заявление на имя нашего руководства».

К сообщению прилагался адрес электронной почты.

Но Сомов уже отчётливо понимал: тут что-то не вяжется. Не стали бы они врать – зачем им? Он и сам видел, что это обычная фирмочка, разводящая суеверных граждан на деньги, в Сети таких сотни, разыгрывать людей – не их профиль. Похоже, они и в самом деле не думали его пугать, никаких звуков на записи вправду не слышали.

Теперь вопрос: а кто-то вообще может их слышать? Или только он, Сомов? Надо срочно проверить! Но к кому обратиться глухой ночью? Друзей нет, перед коллегами не хватало ещё позориться, родные...

Не надо сейчас о родных.

Сомов схватил телефон с записанным на диктофон файлом и выскочил на лестничную клетку. В соседней квартире жил Валерий Викторович. Сомов не общался ни с кем из жильцов, но с этим хотя бы здоровался.

Старик открыл быстро и заспанным не казался.

– В курсе, который час? Что случилось?

– Простите за поздний визит, – отрывисто проговорил Сомов. – Окажите мне услугу, прошу вас.

– Услугу тебе? А ты зачем на меня нажаловался, что у меня из квартиры кошачьей мочой воняет? – сердито буркнул Валерий Викторович. – У меня, между прочим, и кошек-то нету.

Сомов мысленно чертыхнулся. Было дело. Однажды ему показалось, что на

лестнице неприятно пахнет, и он решил, что источник запаха – пожилой сосед. У стариков же вечно миллион кошек, разве не так?

– Прошу прощения. Ошибся, – неохотно ответил Сомов. – Значит, не можете?

Старик пожевал губами.

– Не все такие сухари, как ты, – ответил он наконец, и в прежние времена Сомов не спустил бы ему оскорбление, но сейчас зависел от противного старикашки, а потому стерпел. – Так что стряслось?

– Послушайте запись и скажите, что слышите.

Сосед снова пошамкал ртом и удивлённо посмотрел на Сомова, желая убедиться, что тот говорит серьёзно.

– Ну, включай, что ли.

Через несколько минут Сомов снова был у себя в квартире. Швырнул телефон на стол, потёр ладони друг о друга.

Старик не врал: он ничего не слышал, как ни старался. Такое не сыграешь. Сомов в который раз, морщась, вслушивался в жутковатый мотив и идущие следом слова, сосед же недоумённо смотрел на него, а потом спросил:

– Когда начнётся-то?

Заподозрить старика в сговоре было совсем уж фантастической идеей. Да и кто мог знать, что Сомов решит обратиться именно к нему?

Выходит, нужно принять как данность: никто, кроме Сомова, ничего не слышит. А это значит...

– Что это, к чертям собачьим, значит? – заорал он, не в силах сдерживаться, подлетел к компьютеру, намереваясь выключить его.

Никогда больше ничего – ни Ютуба, ни каналов страшных историй! Ни одного комментария нигде не составит, ни по одной ссылке не перейдёт! Книги будет читать и спутниковое телевидение смотреть, а компьютер только для работы станет использовать!

Сомов нажал на «Завершение работы», агрегат послушно выключился. Сомов ещё и под стол залез, чтобы «Пилот» выключить, надавив на оранжевую «лапку». Всё.

Вылез из-под стола и обомлел. Прижав ладони ко рту, смотрел на надпись, которая полыхала посреди монитора: «До рассвета – три часа пять минут».

Точно такая же надпись была на экране телевизора, что стоял в гостиной, куда Сомов выбежал, словно за ним гналась свора гончих.

– Мама, – прошептал он, чувствуя, что сердце вот-вот остановится.

Это было впервые за последние восемь лет, когда Сомов о ней вспомнил. Первый раз, когда позвал.

Родился он в крохотной деревушке, далеко от столицы, куда перебрался после окончания финансово-экономического института. Город, где находился институт, был в трёхстах километрах от деревни, и во время учебы Сомов навещал родителей редко, а уж когда уехал в столицу, вовсе носа не казал.

Были они хорошими людьми, но очень уж простыми и неотёсанными. Единственного сына, позднего, желанного ребёнка, любили преданной любовью, гордились им безмерно, хотя слегка побаивались его крутого нрава.

В последний раз Сомов был в родных краях, когда приезжал на похороны отца. Поразились, увидев, как сдала мать: спина согнутая, в волосах седина, чёрная кофта подчёркивает восковую желтизну кожи.

Соседи и пришедшие на похороны родственники были похожи на неё: плохо одетые, помятые, неприкаянные. Мать всё время плакала, пыталась обнять сына, а ему казалось, что от той пахнет старостью, бедностью, поминальным супом и ещё чем-то неприятным, и он старался увернуться от объятий.

Находиться в доме, который весь покосился, присел, припав к земле, было невыносимо. Они с родителями давно стали чужими людьми, а теперь Сомов ясно видел: пропасть между ним и матерью стала непреодолимой. Что могла деревенская старуха, которая мир видела только по Первому каналу и даже об Интернете имела весьма смутное понятие, знать о его жизни, работе, делах? О чём им говорить? На каком языке общаться?

Словом, сбежал Сомов на второй же день. Сунул матери в руки денег, отдал всё, что у него было, отговорился срочной работой и уехал, стараясь не замечать собачьего взгляда заплаканных глаз.

Втайне он решил для себя, что осиротел. Похоронил мать вместе с отцом. Отсёк их обоих от себя – и прошлое своё отсёк, и деревню, и всех, кто там жил. А если спрашивали его об отце и матери, отвечал, что родители умерли.

«Как там мать?» – спросил себя Сомов, но ответа не было.

«Хватит думать об этом!» – приказал он себе.

Мать ничем не поможет.

А кто поможет?

Всё время, оставшееся до рассвета, Сомов бестолково бегал по квартире, думая, что делать. Задёрнул шторы, чтобы тьма не глядела в окна. Включил везде свет. Сто раз проверил сигнализацию и замки на двери. Вытащил из шкафа простенький серебряный крестик, который когда-то подарила мать, нацепил на шею. Крест без веры – только безделушка, но лучше так, чем никак.

Сомов пытался припомнить свои бескорыстные поступки и с ужасом понимал, что вспоминать нечего. Если и были такие, то давно, в детстве, и он их не помнил, не мог предъявить!

Три часа ночи минуло. Половина четвёртого. Без четверти.

О том, что сейчас три часа сорок девять минут, Сомов узнал безошибочно. Свет в квартире погас, словно разом перегорели все лампочки. Из-за плотно закрытых штор свет с улицы в квартиру тоже не проникал, так что внутри было темно, как...

«Как в могиле», – пришло на ум Сомову избитое сравнение.

Когда пришла тьма, он стоял посреди гостиной: на месте не сиделось, он метался из спальни в кухню, из кухни в гостиную. Сомов не шевелился, будто надеясь, что если ничем не выдаст себя, то злая сила его не заметит и уберётся прочь.

Он даже не дышал и сердцу прика-

зал бы не биться, если бы мог: казалось, оно грохочет, как отбойный молоток. Прошло несколько минут. Комната озарилась призрачным сиянием: серовато-синим светом вспыхнул экран телевизора. «Наверное, и монитор компьютера в спальне включился», – мелькнуло в голове у Сомова.

В этом иллюзорном, пляшущем свете отчётливо видна была чёрная тень, что огромной кляксой расплзлась в углу комнаты по потолку и стене. Она напоминала фигуру в долгополом одеянии, и Сомов, глядя на неё, отказывался верить своим глазам.

Однако пришлось. Знакомый уже низкий, лающий голос, который доносился, кажется, отовсюду сразу, одновременно, прохрипел:

– Я пришёл. Ты готов ответить?

Сомов услышал тихий поскуливающий писк и с ужасом понял, что эти жалобные звуки вырываются из его горла. Больше не было возможности для скепсиса: он не мог позволить себе такой роскоши.

– Я... я дал денег матери, – пролепетал он.

– Не считается! – рявкнул демон. – Это не было бескорыстно. Ты откупался от матери, а заодно – от своей совести. Даже и не знаешь, что уже шесть лет говоришь всем правду: ты и есть круглый сирота! А маму твою чужие люди хоронили.

Сомов задохнулся от неожиданной боли. Он и не знал, что такая бывает, что он вообще может её испытывать. Хотя и не понял пока, за кого болело сердце: за мать или за себя?

Тень придвинулась, протянула к Сомову длинные руки.

– Даю тебе ещё две попытки. Говори.

Сомов, который несколько часов перебирал в голове события своей жизни, не знал, что сказать, и выпалил:

– Сонечка! Стажёрка! Я ей по-мог...

– Знаю, – перебило существо. – Не считается! Ты не по доброте душевной ошибки её исправлял. Ты хотел Сонечку в свою постель – и получил. А она потом ненавидела и себя, и тебя.

Сонечка, вспомнил Сомов, уволилась по-тихому, никому ничего не объясняя.

– Про женщин лучше не говори, не старайся. Ни к кому ты искренних, бескорыстных чувств не испытывал.

Густая, как вакса, плотная тень была совсем рядом. Миг – и отделится от стены, сцапает Сомова, который скрючился, обхватил себя руками, стараясь укрыться от чудовища.

– Дурной, злобный, никчёмный человек с каменным сердцем, по которому никто не заплачет. Мне такие нужны! – алчно проговорил демон. – Последняя попытка. А потом я вырву твои глаза и язык, заберу твою душу.

Сомов почувствовал, что плачет. Слезы – горячие, как свечной воск, текли по щекам.

«Мамочка, помоги», – снова позвал он покойную мать, и на ум вдруг пришёл другой человек.

Ребёнок, маленький мальчик.

Назойливый чумазый оборванец, который прицепился к Сомову днём и которому...

– Мальчишка! – вне себя заорал Сомов. – Я отдал ему сегодня пакет с едой! Мог и сам съесть, но дал ему! И мне ничего от него не было надо! Это был бескорыстный поступок!

– Случайный, – возразил демон, но Сомов, услышав сомнение в его голосе, осмелел:

– Ты велел вспомнить бескорыстный поступок – я вспомнил! Ты теперь не можешь убить меня!

Повисла пауза, а потом неведомое создание проговорило:

– Не могу, ты прав. – Тень, похожая на нефтяное пятно, отодвинулась обратно в угол. – На этот раз считай, что тебе повезло. Но имей в виду: такие, как ты, – моя добыча. Рано или поздно будешь мой.

В следующий миг экран телевизора

погас, а свет в квартире, наоборот, включился. В углу не было никакой тени, вообще никого не было, кроме насмерть перепуганного Сомова.

Ночной гость сгинул без следа.

– Как прошло, Вадим Васильевич? – спросила секретарша, глядя на высокого лысого мужчину, вышедшего из кабинета шефа.

– Отлично, отпустил меня, так что едем с Васей на море, – улыбнулся тот и направился к выходу из приёмной.

Она поглядела ему вслед и в сотый раз удивилась произошедшим переменам. Сколько лет никто на его лице и намёка на улыбку не видел, не то, что сейчас. Неприятнейший был тип, отвратительный.

А теперь Кощеем Сомова звать ну никак не хотелось!..

И как-то всё это в прошлом году в одночасье случилось: был один человек, стал другой, словно подменили. Девочки в бухгалтерии считали, что это у Сомова началось после того, как он в родную деревню съездил.

Вернулся оттуда – и в офисе прямо как бомба взорвалась: люди только и говорили о том, что Сомов решил усыновить беспризорника Ваську, который постоянно ошивался у бизнес-центра. Поначалу никто не верил: мол, ничего у Сомова не выйдет, неженатый же, неполная семья, но он бился, бился и как-то смог всё уладить.

Забрал Ваську к себе, месяцев десять уже прошло. Или больше. Теперь вот на море собрался везти приёмного сына: шеф заявление на отпуск подписал.

Секретарша задумчиво посмотрела в окно. «Бывают всё же чудеса на свете», – подумалось ей. Самые настоящие чудеса!

Не иначе как Ангел-Хранитель Сомова вразумил...

